

Программа Общества Международной Революции

Михаил Бакунин

1866-1868, IISG датирует 1868 годом.

Этот фрагмент был, вероятно, написан в 1866-1868 годах в Швейцарии. Впервые его опубликовал на русском языке М. Неттлау (Берлин, 1923). Институт Социальной Истории определяет дату в 1868 год.

Первая часть. Теоретические основы

I. *Отрицание бога и принципа власти, как человеческой, так и божественной, а также всякого опекаания одних людей другими*, даже в том случае, если бы эту опеку предполагали установить над совершеннолетними, но лишенными образования лицами или над невежественными массами – во имя ли высшего разума или *научной истины*, представляемых группой признанных интеллигентных и патентованных лиц, или же тем или другим классом, что повело бы в том и в другом случае к образованию своего рода *умственной аристократии*, наиболее отвратительной из всех и наиболее вредной для свободы.

Прим. 1. Позитивная и рационалистическая наука является единственным светочем, который может привести человека к познанию истины и которая может дать мерилу для личного поведения человека и для его отношений к обществу. Но и наука подвержена ошибкам; но даже если бы она их и не совершала, то и в таком случае она не должна присваивать себе право управлять людьми вопреки их убеждению и их воле. Общество, действительно свободное, может признать за наукой только двоякого рода право, осуществление которого является в то же время и ее обязанностью: это, *во-первых*, воспитание и образование лиц обоого пола, одинаково доступное и обязательное для всех детей и подростков до их совершеннолетия, когда воздействие всякой власти должно прекратиться, *во-вторых*, распространение и внедрение в умы своих научных выводов и положений посредством совершенно свободной пропаганды.

Прим. 2. Отрицая безусловно опеку над людьми (в какой бы форме она ни проявлялась), которую хотели бы установить люди науки, практики и опыта над невежественными массами, мы далеки от того, чтобы отрицать *естественное и благотворное влияние* знания и опыта на эти массы, но лишь при условии, чтобы это влияние оказывалось просто путем естественного воздействия высшего интеллекта на низшие и чтобы оно не было облечено ни в какие официальные формы и не сопровождалось бы никакими особыми привилегиями – политическими или социальными, – ибо эти две вещи неизбежно вызывают, с одной стороны, порабощение народных масс, а с другой – развращение и отупение (*abetissement*) самих представителей ума и науки.

II. *Отрицание свободы воли и права общества наказывать* вследствие того, что всякий человек без исключения является не чем иным, как невольным продуктом той естественной и социальной среды, в которой он родился, вырос и живет. Существуют четыре основные причины человеческой безнравственности: 1) *отсутствие разумной гигиены и рационального воспитания*; 2) *неравенство экономических и социальных условий*; 3) *невежество народных масс*, которое является естественным результатом их экономического и социального положения, и 4) неизбежное последствие указанных явлений – *рабство*. Воспитание, образование и организация общества согласно требованиям свободы и справедливости должны заменить *наказание*. В течение всего переходного, более или менее длительного, периода, который неминуемо последует за социальной революцией, общество – в интересах самозащиты от неисправимых лиц, не преступных, но социально опасных, – не будет иметь нужды применять к этим лицам какие-либо наказания, кроме как лишения их гарантий и солидарности, то есть устранения или исключения их из данного общества.

III. Отрицание свободы воли отнюдь не есть отрицание *свободы*. Свобода является, напротив, неизбежным следствием и результатом естественной и социальной необходимости.

Прим. 1. Человек не свободен по отношению к законам природы, которые являются основой и необходимым условием его существования. Он зависит от законов природы, которые властвуют над человеком точно так же, как они господствуют и над всем существующим. Ничто не в состоянии избавить человека от роковой непреложности этих законов; всякая попытка человека к восстанию против этих законов привела бы его лишь к самоуничтожению. Однако благодаря способности, присущей человеческой природе как таковой и которая неизбежно побуждает человека бороться за свое существование, человек может и должен постепенно освобождаться от тяжелой подчиненности и от естественной и подавляющей его враждебности внешнего мира, который его окружает, будет ли это в области чисто физической или социальной – при помощи мысли, науки, посредством применения знания к инстинкту желания, то есть при помощи своей разумной воли.

Прим. 2. Человек является последним звеном, высшей ступенью в непрерывном ряде существ, которые, начиная с простейших элементов и кончая самым человеком, и составляют известный нам мир. Человек – животное, которое благодаря более высокому развитию своего организма, в особенности мозга, обладает способностью мыслить и выражать свои мысли словами. В этом состоит все различие, отделяющее человека от всех других видов животных – его старших братьев во времени, но младших в отношении умственных способностей. Различие это, однако, огромно. Это различие – единственная причина всего того, что мы называем нашей историей, сущность и смысл которой могут быть выражены кратко в следующих словах: человек исходит от животности, чтобы прийти к человечности, то есть к устройству своего общественного существования на основах науки, сознания, разумного труда и свободы.

Прим. 3. Человек – животное общественное, подобное многим другим животным, появившимся на земле до него. Человек не создает общества путем свободного договора: он рождается в недрах общества и вне общества он не мог бы жить как человек, ни даже стать человеком, ни мыслить, ни говорить, ни хотеть, ни действовать разумно. Ввиду того, что общество формирует и определяет его человеческую сущность, человек находится в такой же абсолютной зависимости от общества, как от самой физической природы, и нет такого великого гения, который всецело был бы свободен от влияния общества.

IV. Социальная солидарность является первым человеческим законом, свобода составляет второй закон общества. Оба эти закона взаимно дополняют друг друга и, будучи неотделимы один от другого, составляют всю сущность человечности. Таким образом, свобода не есть отрицание солидарности, наоборот, она представляет собою развитие и, если можно так сказать, очеловечение последней.

V. Свобода не есть независимость человека по отношению к непреложным законам природы и общества. Свобода – это прежде всего способность человека к постепенному освобождению от гнета внешнего физического мира при помощи науки и рационального труда; свобода, наконец, это – право человека располагать самим собой и действовать

сообразно своим собственным взглядам и убеждениям, – право, противопоставляемое деспотическим и властническим притязаниям со стороны другого человека, или группы, или класса людей, или общества в его целом.

Прим. 1. Не следует смешивать социологических законов, иначе называемых законами общественной физиологии, которые столь же обязательны и неизбежны для всякого человека, как и законы физической природы (ибо эти законы, по существу своему, являются также физическими), – с законами политическими, уголовными и гражданскими, которые в большей или меньшей степени выражают нравы, обычаи, интересы и взгляды, в определенную эпоху господствующие в обществе или в части этого общества, в отдельном общественном классе. Вполне естественно, что, будучи признаны большинством людей или хотя бы только господствующим классом, эти законы оказывают большое влияние на каждого человека – благотворное или вредное – в зависимости от их характера. Но для самого общества несколько не хорошо, не справедливо и не полезно, чтобы эти законы могли быть предписаны властническим или насильственным образом кому бы то ни было вопреки его собственному убеждению. Ибо последнее означало бы покушение на свободу, на личное достоинство, на самую человеческую сущность членов общества.

VI. Естественное общество, в недрах которого рождается каждый человек и вне которого человек никогда не смог бы стать разумным и свободным существом, само очеловечивается лишь по мере того, как все люди, составляющие это общество, становятся все более и более индивидуально и коллективно свободными.

Прим. 1. Быть индивидуально свободным значит для человека, живущего в общественной среде, – не поступаться ни мыслью, ни волей перед какой-либо властью, кроме своего собственного разума и собственного понимания справедливости; одним словом, не считать за истину ничего другого, кроме того, в чем человек сам убежден, и не подчиняться никакому иному закону, кроме того, который приемлет его совесть. Таково *conditio sine qua non* (непременное необходимое условие) сохранения человеческого достоинства, неоспоримое право человека – признак его человечности.

Быть коллективно свободным – значит жить среди свободных людей и быть свободным их свободой. Человек, как мы уже сказали, не мог бы стать разумным существом, обладающим сознательной волей, а следовательно, не мог бы и завоевать себе индивидуальную свободу вне общества и без его содействия. Свобода каждого является результатом общей солидарности. Но если признать эту солидарность за основу и считать ее неременным условием всякой личной свободы, то будет вполне ясно, что человек, живущий среди рабов, даже на положении их господина, неизбежно будет рабом их рабства и что сделаться действительно и вполне свободным он сможет лишь путем их освобождения. Следовательно, свобода всех необходима для моей свободы; отсюда следует, что неверно утверждение, что свобода всех является пределом и ограничением моей свободы, что равносильно полному отрицанию последней. Наоборот, общая свобода всех представляет необходимое условие для бесконечного расширения свободы личной.

VII. *Индивидуальная свобода каждого человека становится действительной и возможной только благодаря коллективной свободе общества, частью которого человек является в силу естественных и непреложных законов.*

Прим. 1. Свобода – подобно человечности, чистейшим выражением которой она и является, – представляет собою не начало, а, наоборот, завершительный момент истории. Человеческое общество, как мы уже сказали, начинается с животности. Первобытные люди и дикари так мало сознают свои человеческие свойства и свое естественное право человека, что начинают с взаимного пожирания друг друга; к несчастью, и современные дикари не перестали это делать и до сих пор. Вторым периодом на пути исторического развития человеческого общества является рабство. Третьим периодом, в середине которого мы живем в настоящее время, является эпоха экономической эксплуатации или порядок наемного труда. Четвертым периодом, к которому мы стремимся и, надо надеяться, приближаемся, будет эпоха справедливости, эпоха свободы в равенстве и во взаимной солидарности.

VIII. *Первобытный человек становится человеком свободным, очеловечивается и делается нравственным, осознает все более и более свою человеческую сущность лишь по мере того, как эти человеческие права он начинает признавать и за другими людьми. Следовательно, в интересах своей собственной личности, своей собственной нравственности и личной свободы каждый человек должен стремиться к свободе, к нравственности и к человечности всех людей.*

IX. *Уважение к свободе другого человека представляет, следовательно, высший долг каждого человека. Любить эту свободу и служить ей – вот единственная добродетель. Это – основа всякой морали; другой не существует.*

X. Так как свобода есть результат и самое высшее выражение солидарности, то есть взаимности интересов, то она может быть осуществлена полностью лишь при условии равенства. Политическое равенство может быть основано только на равенстве экономическом и социальном. Осуществление свободы через равенство – вот справедливость.

XI. Ввиду того, что труд является единственным источником всех ценностей, полезностей и социальных богатств, то человек, который является существом социальным по преимуществу, не может жить не трудясь.

XII. Только ассоциированный труд может служить для поддержания существования большого и мало-мальски цивилизованного общества. Все, что обозначают под именем цивилизации, не могло быть создано иначе, нежели путем такого ассоциированного труда. Весь секрет бесконечной производительности труда человеческого заключается прежде всего в использовании более или менее научно развитого разума (который сам является, в свою очередь, продуктом трудовой деятельности предшествующих и настоящих поколений) и затем в разделении труда, но при непременно условии комбинирования или ассоциирования этого разделенного труда.

XIII. Все исторические несправедливости, все войны, все политические и социальные привилегии имели и имеют своей главной причиной и своей целью захват и

эксплуатацию какого-либо ассоциированного труда в пользу более сильных: народов-завоевателей, классов или отдельных личностей. Такова истинная историческая причина рабства, крепостничества и системы наемного труда, то есть, резюмируя все это кратко, – причина так называемого права частной и наследственной собственности.

XIV. С того момента, когда право частной собственности оказалось принятым и утвердившимся, общество должно было разделиться на две части: с одной стороны, собственническое и привилегированное меньшинство, эксплуатирующее принудительно ассоциированный труд народных масс, и, с другой стороны, порабощенные миллионы пролетариев, в виде ли рабов, или крепостных, или наемных рабочих. На долю первых благодаря досугу, вытекающему из-за отсутствия необходимости трудиться для удовлетворения своих потребностей, выпали все блага цивилизации, воспитания и образования, а другие, то есть многомиллионные массы, оказались осужденными на постоянный принудительный труд, на полное невежество и на безысходную нужду.

XV. Цивилизация меньшинства человеческого рода основана, таким образом, на вынужденном варварстве огромного большинства. Привилегированные лица всех политических и социальных оттенков, все собственники, в силу самого своего положения, оказываются естественными врагами, эксплуататорами и угнетателями миллионов народных масс.

XVI. Вследствие того, что досуг, это драгоценное преимущество господствующих классов, столь же необходим для развития умственных способностей, как необходимы известный достаток и некоторая свобода деятельности для выработки характера, вполне естественно, что господствующие классы оказались с самого начала более цивилизованными, более развитыми, более очеловеченными и, в известной степени, даже более нравственными, чем народные массы. Но ввиду того, что, с другой стороны, бездельность и всякого рода привилегии ослабляют физически и морально представителей меньшинства, направляют их ум на ложный путь, заставляя его защищать ложь и несправедливость, выгодные с частными интересами меньшинства, совершенно очевидно, что рано или поздно привилегированные классы должны впасть в испорченность, отупение и вырождение. Это мы и наблюдаем действительно в настоящее время.

XVII. С другой стороны, полное отсутствие досуга и повседневный принудительный труд естественно и неизбежно обрекают народные массы на состояние варварства. Труд сам по себе не мог и не может способствовать развитию их умственных сил, так как благодаря их вынужденному наследственному невежеству вся разумная часть работы – приложение к труду научных завоеваний, комбинирование и управление производительными силами – предоставлялась и предоставляется почти исключительно еще и теперь представителям буржуазного класса; одна лишь мускульная, неразумная, механическая часть работы, ставшая с введением машин еще более отупляющей благодаря разделению труда, предоставлена народу, который в полном смысле слова убивается (assome) своим повседневным, подневольным трудом.

Несмотря, однако, на все это, благодаря громадной морализующей силе, присущей труду как таковому, благодаря также тому, что, требуя справедливости, свободы и равенства для себя самого, рабочий тем самым требует их и для всех, ибо нет на свете человеческого существа, за исключением, пожалуй, женщин и детей, с которыми обращались бы еще хуже, чем с рабочим; наконец, благодаря тому, что современный рабочий мало пользовался благами жизни и не успел еще развратиться в такой степени, как господствующие классы; и еще благодаря тому, что при отсутствии образования рабочий обладает тем огромным преимуществом, что его нетронутые ум и сердце не были развращены эгоистическими интересами и корыстной ложью, что он сохранил в себе неиспользованной всю природную энергию, между тем как все привилегированные классы вырождаются, слабеют и загнивают; – благодаря всему этому один только рабочий не утратил веру в жизнь, имеет настоящее представление об истине, свободе, равенстве и справедливости и стремится к их осуществлению; в силу этого только рабочему принадлежит будущее.

Наша социалистическая программа

XVIII¹. Рабочий требует и должен требовать:

1) Уравнения политического, экономического и социального всех классов и всех людей, живущих на земле.

2) Уничтожения наследственной собственности.

3) Передачи земли в пользование сельскохозяйственным ассоциациям, а капитала и всех орудий производства – индустриальным ассоциациям работников.

4) Уничтожения отцовского, семейного права, то есть деспотической власти мужа и отца, основанной исключительно на праве наследственной собственности, а также уравнения женщины с мужчиной в правах политических, экономических и социальных.

5) Содержания, воспитания и образования всех детей обоего пола до достижения ими совершеннолетия за счет общества, причем обучение, научное и промышленное, включая сюда и все отрасли высшего преподавания, должно быть равное и обязательное для всех.

Школа должна заменить собою церковь и сделать ненужным более уголовные кодексы, наказания, тюрьмы, палачей и жандармов.

Дети не являются ничьей собственностью – ни родителей, ни даже общества; они принадлежат только их собственной грядущей свободе. Но в детях свобода эта еще не реализована, она у них лишь в потенции, ибо действительная свобода, т. е. полное ее сознание и осуществление ее во всякой личности, выражающееся главным образом в чувстве собственного достоинства и в настоящем уважении к чужой свободе и человеческому достоинству, – такого рода сознание свободы может развиваться в детях лишь благодаря рациональному воспитанию их ума, а также их характера и воли. Отсюда следует, что общество, вся будущность которого зависит от надлежащей постановки образования и воспитания детей и которое поэтому не только вправе, но и обязано следить за этим, является естественным опекуном всех детей обоего пола; а так как общество, вследствие предстоящего уничтожения личного наследственного права, будет впредь и единственным наследником, то оно, естественно, будет считать одной из первейших своих обязанностей предоставление всех необходимых средств для содержания, воспитания и образования детей обоего пола без различия, независимо от происхождения детей и от их родителей.

Права родителей будут сводиться к тому, чтобы любить своих детей и иметь над ними естественный авторитет, поскольку последний не будет противоречить нравственности и препятствовать умственному развитию и грядущей свободе детей. Брак в смысле гражданского и политического акта, как и всякое вмешательство в дела интимные, должен будет исчезнуть. Дети будут принадлежать естественно, а не по праву, – преимущественно матери, при разумном контроле общества.

Ввиду того, что дети, в особенности малолетние, не способны еще к вполне сознательному управлению своими поступками, *принцип опеки и власти*, который надлежит устранить совершенно из общества, будет все – таки находить естественное применение в деле воспитания и образования детей. Однако *власть и опека эти должны быть истинно гуманны и разумны* и совершенно свободны от всяких теологических, метафизических и юридических пережитков; они должны будут исходить

¹ В оригинальной рукописи «XVIII» стоит перед «Наша социалистическая программа».

из того положения, что от рождения ни одно человеческое существо не является ни хорошим, ни испорченным и что *добро*, то есть *любовь к свободе, сознание справедливости и солидарности, культ или, вернее, уважение и навык к истине, разуму и труду* не могут быть развиты в человеке иначе, как только путем рационального воспитания, основанного на уважении как в теории, так и на практике к разуму, справедливости и свободе. Таким образом, единственной целью этой *власти* должна быть подготовка всех детей к свободе. Этой цели власть может достичь только тем, что власть будет постепенно сводить саму себя «на нет», уступая место самостоятельности детей, по мере приближения их к совершеннолетию.

Образование должно будет охватывать все отрасли науки, техники и промышленности. Оно должно быть одновременно и научным, и профессиональным, общим – обязательным для всех детей, и специальным – применительно ко вкусам и склонностям каждого из них так, чтобы всякий юноша и девушка, вышедшие из школы и достигшие гражданского совершеннолетия, были бы одинаково подготовлены как к умственному, так и к ручному труду.

Вышедшие из-под опеки и признанные обществом свободными членами общества, молодые люди вольны будут вступать или не вступать для работы в трудовые союзы. Однако все они по необходимости пожелают вступить в эти объединения, так как с уничтожением права наследования и с переходом всей земли, капиталов и орудий производства в собственность международной, или, вернее, всемирной, федерации свободных рабочих союзов не будет более ни места, ни возможности для конкуренции, то есть существования обособленного труда.

Никто больше не сможет эксплуатировать чужой труд; каждый должен будет работать для того, чтобы жить. И каждый, кто не пожелает трудиться, волен будет умереть с голоду, если только он не отыщет какого-либо союза или коммуны, которые согласились бы из жалости содержать его. Но в этом случае, по всей вероятности, будет признано вполне справедливым не наделять этого человека какими-либо политическими правами, раз он, будучи трудоспособным, предпочитает тем не менее постыдно жить паразитом за счет чужого труда, так как не будет никакого другого основания для наделения человека политическими и социальными правами, кроме труда, выполняемого каждым отдельным членом общества. Впрочем, случаи подобного рода могут быть только во время переходного периода, когда будет еще, к сожалению, немало на свете личностей, выросших при современном порядке несправедливости и привилегий и не воспитанных в сознании справедливости и истинного человеческого достоинства, а также в уважении и в привычке к труду. По отношению к подобным личностям революционное или революционизированное общество будет находиться перед тягостной дилеммой: либо принудить их так или иначе работать, что было бы деспотизмом, либо же дать себя эксплуатировать бездельникам, а это явилось бы новым источником развращения всего общества.

В обществе, организованном на началах равенства и справедливости, которые являются основой подлинной свободы, при рациональной постановке дела воспитания и образования и под давлением общественного мнения, не могущего не презирать бездельников, раз оно зиждется на уважении к труду, – в таком обществе праздность и тунеядство станут невозможны. Если же и будут, в виде исключения, редкие явле-

ния тунеядства, то оно будет справедливо рассматриваться как особого рода болезнь, от которой будут лечить в больницах.

Одни только дети, пока они не достигнут известного возраста, а впоследствии лишь постольку, поскольку необходимо будет дать им время для приобретения знаний и не перегружать их при этом чрезмерной работой, затем инвалиды, старики и больные смогут быть освобождаемы от труда без урона для их человеческого достоинства и без ущерба для их прав как свободных граждан.

XIX. В интересах своего полного экономического освобождения рабочие должны будут требовать полного и окончательного уничтожения государства со всеми его учреждениями.

Прим. 1. Что такое государство? Это – историческая организация принципа власти и опеки, божеской и человеческой, над народными массами во имя какой-либо религии, либо исключительных привилегий одного или нескольких классов собственников в ущерб тысячам рабочих, подневольный труд которых они жестоко эксплуатируют. Завоевание, лежащее в основе прав собственности и личного наследования, тем самым явилось и фундаментом для всякого государства. Эксплуатация труда народных масс в пользу собственников, освященная церковью во имя вымышленного божества, которое попы постоянно заставляли становиться на сторону более сильных или более ловких, – вот что называется *правом*. Развитие благосостояния, комфорта, роскоши и утонченного и развращенного ума привилегированных классов, – развитие, необходимым условием которого являются нужда и невежество огромного большинства народа, – вот что называется *цивилизацией*. Организация, гарантирующая существование всего этого скопления исторических несправедливостей, и есть *государство*.

Следовательно, рабочие должны желать разрушения государства.

Прим. 2. Государство, неизбежно основанное на эксплуатации и порабощении масс и, в качестве такового, угнетающее и попирающее всякую свободу народа и всякую справедливость, неизбежно должно быть грубым, хищническим, грабительским и стремиться к завоеваниям. Государство – всякое государство, безразлично, монархия или республика, есть отрицание человечности. Государство есть отрицание человечности потому, что, ставя своей высшей и абсолютной целью *патриотизм своих граждан*, ставя, согласно самой своей сущности, выше всего в мире интерес собственного самосохранения, собственной мощи внутри и распространение ее во-вне, – государство отрицает как частные интересы и человеческие права *своих подданных*, так и права чужеземцев, тем самым оно нарушает всемирную солидарность между народами и между людьми, ставит их вне справедливости, вне человечности.

Прим. 3. Государство – младший брат церкви. Государство не может привести никакого реального базиса для оправдания своего существования, кроме какой-либо теологической или метафизической идеи. Будучи по природе своей противно человеческой справедливости, оно должно неизбежно основываться на богословской или метафизической фикции. В античном мире не было даже понятия нации или общества, так как общество было всецело поглощено и порабощено государством, а каждое государство выводило свое начало и право на существование и на господство от какого-либо бога или от целой совокупности богов, которые и считались исключи-

тельными покровителями того или иного государства. В древнем мире человек был неизвестен; самое понятие человечества не существовало. Были одни только граждане. Вот почему в той стадии цивилизации рабство было естественным явлением и необходимой базой свободы граждан.

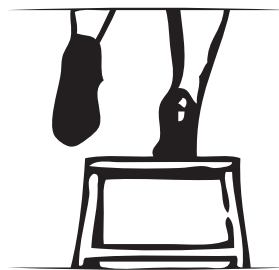
Когда христианство разрушило языческое многобожие и провозгласило единого бога, государствам пришлось прибегнуть к святым из христианского рая: у каждого христианского государства оказалось по одному или по несколько святых – его покровителей и защитников перед лицом господ бога, который, по этому случаю, вероятно, не раз должен был очутиться в весьма затруднительном положении. Кроме того, каждое государство находит еще и по сей день нужным заявлять, что господь бог покровительствует ему особым и исключительным образом.

Метафизика и наука о праве, основанная в теории на отвлеченной общей идее, а в действительности на классовых интересах имущих, также пытались отыскать рациональную базу для оправдания существования государства. Они прибегали для этого к фикции всеобщего и молчаливого соглашения, или к теории общественного договора, или же к фикции объективной справедливости и всеобщего народного блага, осуществляемого, по их словам, государством. По мнению демократов-якобинцев, государство имеет своей задачей способствовать торжеству всеобщих и коллективных интересов всех граждан над эгоистическими интересами отдельных личностей, общин и областей, государство, по их мнению, это – всеобщая справедливость и коллективный разум, одерживающие победу над эгоизмом и ограниченностью отдельных людей. Государство, следовательно, фактом своего существования как бы утверждает, что отдельные люди неразумны, не могут организовать общественную жизнь, не способны возвыситься над своими частными интересами. И вот на помощь этому приходит государство, которое во имя так называемой свободы всех – свободы коллективной и всеобщей, – которое в действительности есть лишь гнетущая абстракция, выведенная из отрицания или ограничения прав отдельных лиц и основанная на фактическом рабстве каждого. Но всякая абстракция может существовать лишь постольку, поскольку ее поддерживает положительная заинтересованность в ней реальных существ; в этом отношении *абстракция «государство»* действительно представляет весьма положительную заинтересованность правящих имущих и эксплуатирующих классов, называемых интеллигентными, так как во имя этой абстракции мы видим систематическое принесение в жертву интересов и свободы поработанных масс ради выгоды привилегированного меньшинства.

Прим. 4. Патриотизм – добродетель и страсть политическая и государственная.

[конец рукописи в середине страницы 16 – Прим. Неттлау]

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Михаил Бакунин
Программа Общества Международной Революции
1866-1868, IISG датирует 1868 годом.

ru.anarchistlibraries.net